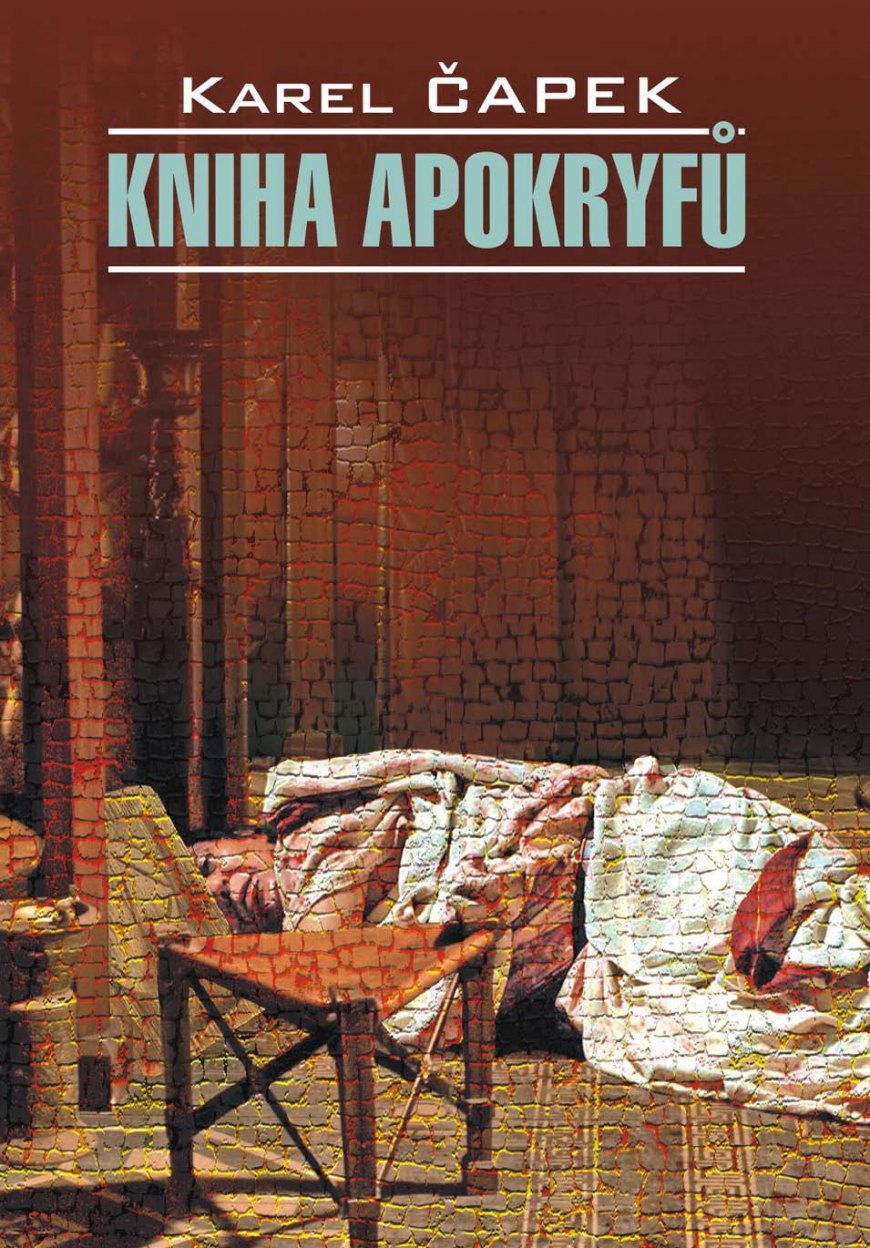
KAREL ČAPEK

KNIHA APOKRYFŮ



Karel Čapek

KNIHA APOKRYFŮ

ČESKÝ JAZYK

SOUČASNÁ PRÓZA

Предисловие, комментарии и словарь
В. М. Мокиенко

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРО
Санкт-Петербург

УДК 372.8
ББК 81.2 Чеш-93
Ч 19

Чапек К.

Ч 19 Книга апокрифов: Книга для чтения на чешском языке. — СПб.: КАРО, 2012. — 224 с. (“Současná próza”)

ISBN 978-5-9925-0734-8.

Предлагаем вниманию читателей «Книгу апокрифов» знаменитого чешского писателя Карела Чапека (1890–1938) — философское, мировоззренческое произведение писателя.

Неадаптированный текст рассказов снабжен комментариями и словарем. Книга предназначена для студентов языковых вузов, слушателей курсов иностранных языков и изучающих чешский язык самостоятельно.

УДК 372.8
ББК 81.2 Чеш-93

Карел Чапек

КНИГА АПОКРИФОВ

KNIHA APOKRYFŮ

Предисловие, комментарии и словарь *В. М. Мокиенко*

Ответственный редактор *О. П. Панайотти*
Технический редактор *А. Б. Иванов*
Корректор *В. М. Мокиенко*
Иллюстрация на обложке *О. В. Маркиной*

Издательство «КАРО», ЛР № 065644
195027, Санкт-Петербург, Свердловская наб., д. 60, (812) 570-54-97

WWW.KARO.SPB.RU

Гигиенический сертификат
№ 78.01.07.953.П.004024.03.07 от 22.03.2007

Подписано в печать 12.01.2012. Формат 70 x 100 $^{1}/_{32}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,03. Тираж 1500 экз. Заказ № 01.01

Отпечатано в типографии «КАРО»

ISBN 978-5-9925-0734-8 © КАРО, 2012

О КАРЕЛЕ ЧАПЕКЕ И ЕГО «АПОКРИФАХ»

Представьте себе, какая была бы тишина,
если бы люди говорили только то, что знают.

Карел Чапек

Январь 1963 года на Приполярном Урале. Мы, студенты Ленинградского университета, после трудного дневного перехода по «ненаселёнке» сидим на лапнике в палатке у склона горы Монараги и под потрескивание дров в походной печке ведём популярную тогда дискуссию — «Физики или лирики?». Мне, единственному в палатке филологу, нелегко отстаивать необходимость и пользу гуманитарной профессии в споре с шестью физиками, свято убеждёнными, что именно они нужны миру для спасения его от голода и энергетических кризисов. Все козырные карты, разумеется, на их стороне, как и преимущество атомной энергии и освоения космоса перед изучаемыми мною славянскими языками. Я, конечно, взываю к силе Слова, к неизбежному

симбиозу Духа и Материи, к необходимости изучения языков с целью предотвратить второе Вавилонское столпотворение. Но шансов убедить друзей в моей правоте у меня практически нет.

Более того, самый материалистический и матёрый материалист в нашей компании ядовито говорит: «Ну что ты выбрал этот чешский язык?! Уж изучал хотя бы английский или немецкий! Что может малый народ дать миру, если он и сам стремится слиться с великими народами? Охота же тебе тратить время на бесперспективные малые языки!...»

Этот «великодержавный» аргумент и вывел меня из себя.

— А что вы знаете о чешском языке и литературе?! Это язык Яна Амоса Коменского и Яна Гуса, Карела Чапека и Ярослава Гашека, которых знает весь мир и которые влияли и влияют на его развитие не меньше, чем ваши атомные бомбы. Влияют, потому что помогают его понять и представить таким, какой он есть...

Незадолго до похода я прочёл первые рассказы «Смешные любови» молодого и неизвестного тогда Милана Кундеры. И тут же, на лапнике, я пересказал им рассказ «Ложный автостоп».

Друзья мои притихли, задумались. Один из них, Лёнька Аксельрод (сейчас известный физик-атомщик), задумчиво вымолвил:

— Да... это настоящая литература...

Тогда никто и не предполагал, что неизвестный чешский писатель станет всемирно знаменитым и будет издаваться на многих языках.

— Расскажи-ка ещё что-нибудь чешское, — попросил Лёнька.

И я, ободрённый первой духовной атакой на физиков, начал им пересказывать «Апокрифы» Карела Чапека, чтение книг которого меня и повлекло на чешское отделение университета. Несколько вечеров продлились в нашей палатке эти «Чапековские чтения», и направление наших споров кардинально изменилось. Мы больше уже не спорили о том, кто больше нужен миру — физики или лирики, — а говорили об изменчивости мира в человеческом сознании, о создании мифов, которые становятся толчком к глобальным мировым событиям, опорой религиозного сознания и суперсовременных идеологий. Особенно долго мы обсуждали рассказ «Смерть Архимеда». И не только потому, что он повествовал об одном из древних физиков, а потому, что в нём привычная нашему советскому сознанию идея о Великом и малом, заложенная в гимне нашей страны, вдруг оказывалась относительной в свете сопоставления геометрических свойств большого и малого круга. С тех пор Карел Чапек не один год путешествовал с нами и по Кольскому, и по

Карелии, и по Приполярному Уралу, стирая грани между физиками и лириками.

И это неудивительно. Ведь чешского писателя человеческие судьбы волновали в симбиозе с техническим прогрессом, результаты которого он оценивал диалектически, со всеми его плюсами и минусами для развития человеческой личности.

Жизнь Карела Чапека (1890–1938) совпала с переломным для современной цивилизации временем. Это была эпоха не только революционных потрясений, но и технических преобразований и научных открытий. Именно в это время человечество обогатилось и теорией относительности А. Эйнштейна, и такими мощными рычагами прогресса, как автомобили, самолёты, радио, телевидение... Как технический прогресс отражается на духовном развитии общества, как он влияет на политику и идеологию, что он принесёт человечеству в будущем — вот круг философских проблем, которые равно значимы и для «физиков», и для «лириков».

В творчестве писателя, как и в его жизни, органически сплавляются в единое целое национальное, собственно «чешское» с общеевропейским, мировым. Он родился в семье врача в небольшой деревне Малые Сватонёвицы, символически своим названием подчёркивающим непротиворечивость «малости» и «великости». Семья Чапеков пере-

езжает сначала в небольшой городок Упице, где в 1895–1901 гг. Карел учится в начальной школе, а затем в город Градец Кралове, где он учится в гимназии. За участие в тайном студенческом кружке, борющемся за прогрессивные изменения в образовательной системе, он в 1905 г. исключается из школы и переезжает в Брно, где продолжает обучение в гимназии. В 1909 г. будущий писатель поступает в Карлов университет в Праге, где изучает философию, эстетику, историю изобразительных искусств, англистику, германистику и богемистику. В 1910–1911 гг. он обучается и в Берлинском и Парижском университетах, а родной Карлов университет заканчивает в 1915 г., защитив диплом доктора философии.

Начав самостоятельную жизнь домашним учителем в замке графа Прокопа Лажанского, К. Чапек в 1917 г. становится редактором пражской газеты «Народни листы» и редактором сатирического еженедельника «Небойса». Выйдя в том же году из состава редколлегии первой газеты, он переходит в редакцию другой пражской газеты — «Лидове новины», а в 1921–1923 гг. работает в Городском театре в качестве драматурга и режисёра.

В 1922 г. произошло одно из знаковых событий в жизни молодого писателя. Его впервые представили первому президенту Чехословацкой респу-

блики Т. Г. Масарику. С этого времени начинается их переписка, затем личная дружба. Несколько встреч с президентом и беседы с ним вылились в трёхтомную книгу «Разговоры с Масариком» и «Молчание с Т. Г. М.», в которой обсуждаются многие злободневые проблемы чешской и международной жизни, даются ответы на сущностные философские вопросы.

В 1925 г. К. Чапека избирают председателем чехословацкого филиала международной организации писателей «Пен-клуб», основанию которого он способствовал, а в 1933 г. он уже вице-президент «Международного Пен-клуба». В 1931 г. писатель становится членом Комитета Лиги Наций по литературе и искусству. В 1935 г. тогдашний президент «Международного Пен-клуба» писатель-фантаст Г. Уэллс выдвигал К. Чапека на должность президента «Международного Пен-клуба», но Чапек отказался от поста по причине болезни.

Вполне осознавая опасность, грозящую человечеству от надвигающегося фашизма, в 1933 г. К. Чапек работает в Комитете помощи немецким беженцам, а в 1934 г. организует общественную акцию «Демократия в поддержку детей».

В 1937 г. он участвует в работе Всемирного конгресса «Пен-клуба» в Париже, а годом позже становится одним из организаторов такого же конгресса

в Праге. В 1938 г. его вторично выдвигают кандидатом на Нобелевскую премию по литературе.

После Мюнхенского сговора в сентябре 1938 г. на писателя обрушиваются чешские националисты фашистствующего толка. Наступает самый тяжёлый период в жизни К. Чапека, но он мужественно борется с чешским фашизмом, предупреждая своих земляков об опасности, которую несёт с собою эта человеконенавистническая идеология.

25 декабря 1938 г. писатель умирает от двустороннего воспаления лёгких, полученного в результате работ по ликвидации наводнения незадолго до фашистской оккупации Чехословакии. Его хоронят на самом почётном месте Чехии — в пражской крепости Вышеград, где покоится прах многих выдающихся деятелей чешской культуры.

Жизнь Карела Чапека была коротка, но его писательское искусство остаётся вечным. В его сорока четырёх книгах повествуется о Человеке, коллизиях и превратностях его жизненных судеб, борьбе Высокого и низкого в различных жизненных ситуациях. Российскому читателю хорошо известны такие его знаменитые пьесы, как «Средство Макропулоса» (*Věc Makropulos*, 1922), «Мать» (*Matka*, 1938) и «R.U.R.» (*Rozumoví Univerzální Roboti*, 1920), философская трилогия «Гордубал» (*Hordubal*, 1933), «Метеор» (*Povětroň*, 1934) и«Обыкновенная

жизнь» (*Obyčejný život*, 1934), романы «Фабрика абсолюта» (*Továrna na absolutno*, 1922), «Кракатит» (*Krakatit*, 1922), «Война с саламандрами» (*Válka s mloky*, 1936), «Первая спасательная» (*První parta*, 1937), «Жизнь и творчество композитора Фолтына» (*Život a dílo skladatele Foltýna*, 1939, незаконченный). Карелом Чапеком написано и большое количество рассказов, эссе, фельетонов, сказок, очерков и путевых заметок. Его талантливые переводы французской поэзии (например, Аполлинера) также до сих пор востребованы у чешского читателя.

Первый сборник его рассказов «Сияющие глубины», написанный в соавторстве с братом Йозефом Чапеком в 1916 г., сразу же привлёк к себе внимание. Тонкий юмор, точность воспроизведения жизненных деталей, умение видеть поэзию в будничных ситуациях сочетается в писателе с провидческим даром. В 1921 г. выходят «Мучительные рассказы» (*Trapné povídky*), лейтмотивом которых стала безысходность и неспособность противостоять жестокому миру в период между двумя мировыми войнами. В антиутопии «Фабрика абсолюта» (*Továrna na absolutno*, 1922), романах «Кракатит» (*Krakatit*, 1924) и «Война с саламандрами» (*Válka s mloky*, 1936) он показал не только возможности, которые сулит технический прогресс, но и опасности, которыми это техническое будущее чревато для человечества.

Последнему — антифашистскому — роману была уготована мировая известность, он переведён на многие мировые языки. Это произведение, как и многие другие, оказалось провидческим, ибо в нём показано, как быстро может распространиться коричневая чума в мире, но в то же время — как совместные усилия человечества способны это бедствие победить.

В пьесе «R.U.R» писатель предсказал изобретение роботов и потенциальную опасность всеобщей «роботизации» человечества: в конце пьесы роботы берут власть в свои руки и уничтожают всех людей. Кстати, само слово *робот* придумано именно братьями Чапеками — Карелом и Йозефом. И оно до сих пор — одно из самых популярных славянских слов в языках мира.

При всей эпичности и разнообразии творчества К. Чапека самым, пожалуй, любимым его жанром, как у А. П. Чехова, оставались рассказы. «Рассказы из одного кармана» (*Povídky z jedné kapsy*, 1929), «Рассказы из другого кармана» (*Povídky z druhé kapsy*, 1929), «Вещи вокруг нас» (*O nejbližších věcech*, 1925), «Маленькие рассказы», «О людях» и др. — вот лишь небольшой перечень сборников этого жанра, принадлежащих перу К. Чапека.

В своих рассказах писатель нередко кратко и талантливо повествовал о своих увлечениях. Так, рас-

сказы «Редкий ковёр» и «Восток» посвящены коврам, ибо К. Чапек сам коллекционировал ковры и имел заслуженную репутацию знатока ковроведения. Любовь к кактусам дала ему сюжет рассказов «Похищенный кактус» и «О любителях кактусов». Увлечение собаками отразилось в его эссе «Минда, или О собаководстве», «Дашенька, или Истории щенячьей жизни» и др. Рассказ же «Человек и фотоаппарат» ярко отражает все перипетии, с которыми в первой половине прошлого века сталкивался начинающий фотолюбитель.

Размышляя о том, какое именно произведение К. Чапека предложить русскому читателю для совершенствования его знаний в чешском языке, я остановился на «Апокрифах». Как представляется, это самое философское, мировоззренческое произведение писателя. Подобно летописцу, К. Чапек неторопливо излагает самые значительные (конечно же, с его точки зрения) события мировой истории — от легенды о том, как Прометей похитил для людей небесный огонь и жизни людей каменного века до эпизода личной жизни великого Наполеона и встречи простого чешского мещанина пана Янека Хвала из Янкова с «чешским патриотом» паном Гинеком Рабом из Куфштейна, который на поверку оказывается немцем.

Подобно палеографу, снимающему пласт за пластом в палимпсесте — древней рукописи на пергаменте, написанной по смытому или соскобленному тексту, — Чапек соскрёбывает пласты глорификации с известных мировых событий, и исторические личности предстают перед нами в их бытовом обличье. И эта «бытовизация» героев столь убедительна, что хочется поверить, что именно так, «почеловечески», и творилась мировая история. Прометей («Наказание Прометея») был наказан небесным сенатом за якобы злостное надругательство и святотатство, причинение людям тяжких физических увечий и повреждение чужого имущества, за нарушение общественной безопасности, и даже государственную измену лишь потому, что судьям надоело долгое судебное разбирательство и хотелось есть. Старуха Янечкова и её муж («О падении нравов») осуждают молодёжь каменного века за изобретение костяных орудий вместо кремниевых и предрекают из-за такого новшества падение нравов. Библейские персонажи Исахар и Дина, приютившие деву Марию в своём хлеву в Вифлееме («Святая ночь»), предстают перед нами в виде типичной супружеской пары, где сварливая жена недовольна мужем за то, что он пускает во двор какую-то незнакомку на последней стадии беременности. Символы вечной влюблённости («Ромео и Джуль-

етта»), как оказывается в чапековском варианте известной романтической истории, отнюдь не покончили собой из-за неутолённой любви, а спокойно пережили трагедию юности и живут, счастливо женившись и выйдя замуж за других «партнёров» и сделавшись богатыми и почётными гражданами своих кланов. Знаменитый пожиратель женских сердец дон Жуан («Исповедь дона Хуана») на поверку, оказывается, не соблазнил ни одной женщины, ибо просто… не был мужчиной, т. е. страдал половым бессилием…

Такова реальная жизнь. Жизнь по Карелу Чапеку, а не по анналам истории и мифологии. И, быть может, она, такая жизнь, более достоверна по своей человеческой сути, чем «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Жития святых» или «Жизнь замечательных людей» из известной серии.

Август 1968 г. Меня как преподавателя чешского языка оперативно призывают в армию и отправляют вторым самолётом в Чехословакию — оказывать «братскую помощь» чехам и словакам, захотевшим «социализма с человеческим лицом». Не буду описывать того, что испытал человек, любящий и знающий эту замечательную мирную страну и вдруг оказавшийся по воле судеб в мундире её оккупанта. Но Чапек… Карел Чапек не только мне снова всё

объяснил, но и утешил. Утешил апокрифом «Смерть Архимеда». Я читал и перечитывал этот рассказ по ночам, возвращаясь в казарму в Миловицах, где я был переводчиком в генеральном штабе. Штабе войск самого Большого Круга — войск Варшавского договора, поспешивших на братскую помощь Малому кругу — Чехии и Словакии.

Я читал и перечитывал диалог Архимеда с римским центурионом Люцием. Читал уже не своему другу Лёньке Аксельроду и друзьям-физикам, как когда-то на Приполярном Урале, а читал нашим солдатам, многие из которых даже точно не поняли, почему они столь быстро оказались в этой маленькой, уютной и мирной стране.

— А вы обязательно должны владеть всем миром?

— Да. Призвание Рима быть владыкой мира. И он будет владыкой, можешь мне верить.

— Не спорю, — сказал Архимед и стер что-то на вощеной дощечке. — Но я бы вам не советовал, Люций. Понимаешь ли, быть владыкой мира — слишком хлопотно. Жалко трудов, которые придется на это положить.

— Неважно. Зато мы будем великой империей.

— Великой империей! — ворчливо повторил Архимед. — Нарисую я малый круг или большой — все равно это будет только круг, и у него всегда есть грани-

ца; жить без границ вы все равно не сможете. Или ты думаешь, что большой круг совершеннее малого? И что ты более великий геометр, если начертишь большой круг?

— Вы, греки, всегда играете словами, — ответил Люций. — А мы доказываем свою правоту иначе.

Да, тогда, в 1968 г., Большой круг социалистического лагеря попытался доказать родине Карела Чапека, что Архимед был неправ. И мы знаем, что из этого получилось. Геометрию не обманешь, и чем больше становится круг, тем труднее его удержать в вожделенных геометрических пределах. Наш большой круг распался, но и этот урок К. Чапека до сих пор не пошёл на пользу историкам и политикам. Вздулся Большой круг Евросоюза, целостность которого начинают теперь подтачивать неугомонные земляки Архимеда. Великий круг США тянется и к Афганистану, и к Ираку, и к Ирану. Быть владыкой мира — мечта геометров Большого круга. Но мы, простые участники этого исторического события, диалектику учили не по Гегелю. А — по Архимеду в повествовании великого чешского писателя. Великого писателя малого народа. И те, кто этот народ полюбил, знают, что чапековская геометрия — самая человечная геометрия в мире. Ибо сохраняет человеческое лицо во всех исторических перипетиях.

В. М. Мокиенко

Karel Čapek

KNIHA APOKRYFŮ

PROMÉTHEŮV TREST

Pochrchlávaje a hekaje po dlouhém průvodním řízení odebral se mimořádný senát k poradě, jež se konala ve stínu posvátné olivy.

"Tak, pánové," zívl Hypométheus, předseda senátu. "Ale že se nám to zatrápeně protáhlo. Já myslím, že bych nemusel ani podávat resumé, no ale aby nebylo formálních námitek… Tak tedy obžalovaný Prométheus, zdejší občan, byv pohnán před soud, že vynalezl oheň a tím jaksi — ehm ehm — porušil stávající řád, se přiznal, že: za prvé skutečně vynalezl oheň; dále že je s to, kdykoliv se mu zlíbí, vyvolati týž činností zvanou křesání; za třetí že toto tajemství, respektive pohoršující objev nikterak řádně nezatajil ani neoznámil na příslušném místě, nýbrž jej svévolně prozradil, potažmo dal v užívání nepovolaným lidem, jak je dosvědčeno výpověďmi dotyčných osob, které jsme právě vyslechli. Já myslím, že to stačí a že bychom mohli hned přikročit k hlasování o vině a rozsudku."

"Promiňte, pane předsedo," namítl přísedící Apométheus, "ale soudil bych, že vzhledem k vážnosti tohoto

mimořádného tribunálu by snad přece jen bylo vhodnější, abychom k vynesení rozsudku přikročili až po důkladné poradě a — abych tak řekl — všestranné rozpravě."

"Jak chcete, pánové," přivolil konciliantní Hypométheus. "Věc je sice jasná, ale chceli někdo z vás ještě něco poznamenat, prosím."

"Já bych si dovolil připomenout," ozval se votant Amétheus a řádně odkašlal, "že podle mého mínění by se měla na celé věci zdůraznit zvláště jedna stránka. Pánové, já mám na mysli stránku náboženskou. Račte dovolit, co je to ten oheň? Co je to ta vykřesaná jiskra? Jak doznal Prométheus sám, není to nic jiného nežli blesk a blesk, jak je obecně známo, je projevem zvláštní moci Dia Hromovládce. Račte mně vysvětlit, pánové, jak přijde takový nějaký Prométheus k božímu ohni? Jakým právem se ho zmocnil? Kde vůbec jej vzal? Prométheus nám chce namluvit, že jej prostě vynalezl; ale to jsou hloupé výmluvy, — kdyby to bylo tak nevinné, proč by nevynalezl oheň například někdo z nás? Podle mého přesvědčení, pánové, Prométheus ten oheň prostě ukradl, a to našim bohům. Jeho zapírání a vytáčky nás nezmatou. Já bych jeho trestný čin kvalifikoval jednak jako obyčejnou krádež, jednak jako zločin rouhání a svatokrádeže. A my jsme tady proto, abychom co nejpřísněji potrestali tuto bezbožnou opovážlivost a chránili posvátný majetek našich národních bohů. Jen to jsem

chtěl říci," končil Amétheus a rázně se vysmrkal do cípu své chlamydy.

"Dobře řečeno," souhlasil Hypométheus. "Má ještě někdo co poznamenat?"

"Prosím za prominutí," děl Apométheus, "ale já nemohu souhlasit s vývody váženého pana kolegy. Já jsem se na to díval, jak řečený Prométheus rozžíhal ten oheň; a řeknu vám upřímně, pánové, vždyť — mezi námi — na tom docela nic není. Objevit oheň, to by dovedl každý lenoch, povaleč a pasák koz; my jsme na to nepřišli jen proto, že vážný člověk, to se rozumí, nemá ani pokdy, ani pomyšlení, aby si pohrával s nějakým křesáním kamínků. Ujišťuji pana kolegu Amétheа, že to jsou docela obyčejné přírodní síly, jimiž se zabývati není důstojno myslícího člověka, neřkuli bohů. Podle mého soudu je oheň úkaz příliš malicherný, než aby se nějak týkal věcí nám všem svatých. Ale věc má jinou stránku, na kterou musím obrátit pozornost pánů kolegů. Zdá se totiž, že oheň je živel velmi nebezpečný, ba dokonce škodlivý. Slyšeli jste řadu svědků, kteří vypověděli, že zkoušejíce Prométheův klukovský vynález utrpěli těžké popáleniny, ba v některých případech i škody na majetku. Pánové, rozšířili se vinou Prométheovou užívání ohně, čemuž bohužel se už nedá zabránit, nebude si nikdo z nás jist životem, ba ani majetkem; ale to, pánové, může znamenat konec veškeré civilizace. Stačí sebemenší neopatrnost — a před čím se zastaví ten

nepokojný živel? Prométheus, pánové, se dopustil trestuhodné lehkomyslnosti tím, že uvedl na svět věc tak škodlivou. Já bych jeho vinu formuloval jako zločin těžkého ublížení na těle a ohrožování veřejné bezpečnosti. Vzhledem k tomu jsem pro doživotní trest na svobodě s tvrdým lůžkem a okovy. Domluvil jsem, pane předsedo."

"Máte, kolego, docela pravdu," zafuněl Hypométheus. "Jen bych ještě podotkl, pánové, k čemu nám vůbec bylo třeba nějakého ohně? Copak užívali ohně naši předkové? Přijít s něčím takovým, to je prostě neúcta k zděděnému řádu, to je — ehm, jenom podvratná činnost. Zahrávání s ohněm, to nám tak ještě chybělo! A uvažte, pánové, kam to povede: lidé u ohně zbytečně zchoulostiví, budou se válet v teple a pohodlí, místo aby — nu, místo aby bojovali a podobně. Pojde z toho jen změkčilost, úpadek mravů a — ehm, vůbec nepořádek a podobně. Zkrátka něco se už musí stát proti takovým nezdravým úkazům, pánové. Doba je vážná, a vůbec. Jen to jsem chtěl připomenout."

"Velmi správně," ozval se Antimétheus. "My všichni zajisté souhlasíme s naším panem předsedou, že Prométheův oheň může mít nedozírné následky. Pánové, netajme si, je to ohromná věc. Mít oheň ve své moci — jaké nové možnosti se tu otvírají! Uvádím jen namátkou: spálit nepřátelům úrodu, zažehnout jim olivové háje a tak dále. Ohněm, pánové, je nám lidem dána

OBSAH

О Карелe Чапеке и его «Апокрифах» 3
Karel Čapek KNIHA APOKRYFŮ 17
Prométheův trest 18
O úpadku doby 24
Jako za starých časů 31
Thersites 35
Agathon čili o moudrosti 43
Alexandr Veliký 48
Smrt Archimédova 55
Římské legie 60
O desíti spravedlivých 66
Pseudolot čili o vlastenectví 73
Svatá noc 80
Marta a Maria 84
Lazar 92
O pěti chlebích 97

OBSAH

Benchanan 102
Pilátův večer 107
Pilátovo krédo 111
Císař Dioklecián 116
Attila 122
Obrazoborectví 129
Bratr František 139
Ofir 144
Goneril, dcera Learova 152
Hamlet, princ Dánský 156
Zpověď dona Juana 170
Romeo a Julie 178
Pan Hynek Ráb z Kufštejna 186
Napoleon 193
Slovník 198